

УДК 821.161.1

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ «ПРИГОЖЕЙ ПОВАРИХИ» М.Д. ЧУЛКОВА НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОМАННОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА

© 2018

Безрукова Марина Викторовна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, магистрант кафедры литературы и русского языка

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, филиал в Северодвинске (164504, Россия, Северодвинск, улица Ломоносова, д.55, e-mail: MKhramtsova@yandex.ru)

Аннотация. В статье предпринята попытка выявления художественного своеобразия произведения М.Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» на фоне европейской романной традиции. При создании своего произведения М.Д. Чулков опирается на европейскую романную традицию XVIII века, однако создает произведение, отличающееся по структуре от западных образцов жанра. Мотив нравственной эволюции героя европейской прозы, его нравственное восхождение, нравственная метаморфоза как основная сюжетная канва нравоописательного романа XVIII века остается чуждой установкам Чулкова. Обобщая научные наблюдения в области истории европейского романа, автор работы формулирует особенности, характерные для романной формы, сложившейся к XVIII столетию. При этом указывается на очевидное несоответствие этой форме чулковского произведения. «Пригожая повариха» Чулкова противопоставлена нравственным установкам его европейских предшественников в романном жанре. Это обнаруживает себя в «Предуведомлении», нарочито носящем пародийный, критический характер по отношению к европейским текстам. Основные установки чулковской «Пригожей поварихи» состоят не в изображении нравственной метаморфозы героини, а в раскрытии нового, ранее недоступного для русской литературы аспекта действительности. В работе предлагается оригинальная оценка «Пригожей поварихи» М.Д. Чулкова как первого русского романа, сознательно обращенного к изображению маргинального мира и маргинального героя.

Ключевые слова: XVIII век, русская литература, художественный мир, маргинальный герой, мотив поступка, М.Д. Чулков, плутовской роман, двоемирие, Д. Дефо, А. Прево, русский роман XVIII века, литературный герой.

ON THE ISSUE OF THE ARTISTIC PECULIARITY OF 'THE COMELY COOK' BY M.D. CHULKOV ON THE BACKGROUND OF THE EUROPEAN NOVELISTIC TRADITION OF THE XVIII CENTURY

© 2018

Bezrukova Marina Victorovna, the competitor of a scientific degree of candidate of philological Sciences, Master of Literature and Russian Language Department

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, branch in Severodvinsk (164504, Russia, Severodvinsk, Lomonosov 55 St., e-mail: MKhramtsova@yandex.ru)

Abstract. This article has made an attempt to reveal the artistic peculiarity of 'The Comely Cook, or the Adventures of a Depraved Woman' by M.D. Chulkov on the background of the European novelistic tradition. While creating his work, M.D. Chulkov based it on the European novelistic tradition of the XVIII century; however, he created a novel structurally different from western specimens of the genre. The motive of the European prose character's moral evolution, his moral uprise, a moral metamorphosis as the main narrative line of a moral-descriptive novel of the XVIII century proved alien to M.D. Chulkov's mental settings. Generalizing scientific observations in the sphere of the European novel's history, the author formulated the peculiarities typical of the novelistic form that had established by the XVIII century. At the same time, there was an obvious indication that the work by M.D. Chulkov was not compliant with that form. 'The Comely Cook' by M.D. Chulkov was opposed to the moral settings of his European predecessors in the novelistic genre. It got disclosed in the 'Preannouncement' that was expressly burlesque and critical towards the European texts. The main precepts of 'The Comely Cook' by M.D. Chulkov were not about description of the heroine's moral metamorphosis, but about disclosure of a new aspect of reality that had not been available in the Russian literature before. The work proposed an unconventional assessment of 'The Comely Cook' by M.D. Chulkov as the first Russian novel that deliberately approached the description of a marginal world and a marginal character.

Keywords: the XVIII century, Russian literature, the artistic world, a marginal character, a motive of action, M.D. Chulkov, a picaresque novel, world duality, D. Defoe, A. Prevost, the Russian novel of the XVIII century, a literary character.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Согласно сложившимся представлениям, М.Д. Чулков стоит у истоков формирования русского романа, одного из самых продуктивных жанров следующего, XIX столетия.

Связь «Пригожей поварихи» М.Д. Чулкова и плутовского романа очевидна и несомненна. Она не раз обращала на себя внимание (чаще всего вскользь, в порядке упоминания). Именно это обстоятельство и определило наш интерес здесь к данной исторической разновидности европейского романа. Впрочем, вряд ли можно говорить о непосредственном влиянии плутовского романа на М.Д. Чулкова. Скорее всего, последний даже не был знаком с произведениями этого жанра, утратившего свою продуктивность за столетие до его рождения. Эта связь скорее опосредованная, генетическая. Как представляется, плутовский роман породил в европейской культуре целую традицию, стремительно меняясь, трансформируясь во времени, но при этом сохранял память («жанровую память») об исходном литературном явлении. М.Д. Чулков, несомненно, был знаком с позднейшими модификациями этого жанра XVIII века и испытывал на себе их влияние. Этим и оправдано здесь обращение к проблеме плутовского романа и его историческим модификациям.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Творческое наследие писателя оказывается в зоне особого внимания литературоведов, и довольно часто становится предметом научного осмысления. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных произведениям М.Д. Чулкова, они по-прежнему представляют для историков литературы во многом загадку. Все это в полной мере относится и к его «Пригожей поварихе». Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют научные труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, И.А. Гурвич, а также работы, посвященные проблемам жанра плутовского романа – Н.Б. Томашевского, Е.М. Мелетинского, В.В. Кожина, С.И. Пискуновой и других.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель нашей статьи – выявить структурно-семантические особенности произведения М.Д. Чулкова «Пригожая повариха» на фоне европейского нравоописательного романа. Принято считать, что история формирования русского романа, одного из самых ярких явлений в истории отечественной литературы, начинается в 60–70 гг. XVIII века. И М.Д. Чулков, как отмечалось, имеет к это-

му событию самое прямое отношение.

Несомненно влияние европейских нравоописательных романов, таких как «Молль Флендерс» Д. Дефо и «Манон Леско» А. Прево, на «Пригожую повариху, или Похождения развратной женщины» М.Д. Чулкова Тем более что перевод этих произведений был осуществлен в России до появления романа М.Д. Чулкова.

Еще Е. Мечникова в своем исследовании отмечает: «Обрызганный «живой водой» реальной европейской литературы, Чулков проявил себя истинным художником слова. Идя по следам Лесажа, Дефо и Прево, он с беспощадной смелостью, живо и образно, воспроизводит в своем романе самые неприглядные стороны русской действительности XVIII века. Он, по словам академика А.Н. Веселовского, «выявляет изнанку общественных нравов и входит в тот ряд изучений развращающего влияния города на непосредственную натуру из народных слоев» [1].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В произведении мы видим ряд непринужденно и живо описанных жанровых картин быта в России XVIII века. Перед читателем открывается жизненный распорядок в доме секретаря приказа:

«Секретарь был человек набожный; он никогда не вставал и не ложился спать, не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки... Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялась во взятках и принимала всячину. Когда же садилась они пить чай, то маленький их сын подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес, таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе» [2, с. 240-241].

И это не просто описание жизни, это описание изнанки жизни, того, что сокрыто от посторонних глаз, жизни за чертой установленного нравственными законами порядка. Есть две жизни, в одной из которых пребывает «набожный секретарь», в другой циничный взяточник.

Вслед за героем автор переносит читателя в тюрьму XVIII столетия: *«Бросили меня в каменный погреб, не дав мне ничего, на чем бы я могла отдохнуть во время ночи. Пищу подавали мне каждый день по два раза, а оная состояла из хлеба и воды, и так принуждена я была держать весьма великий пост, о котором прежде никогда мне и в голову не приходило» [2, с. 258-259].*

И вновь намек на два существующих жизненных устава, то, что в одном миропорядке «великий пост», в ином (закрытом, тюремном) – просто голод.

Представленный М.Д. Чулковым дом свиданий несет в себе черты пародии на французские литературные салоны.

«Дом ея показался мне обитанием любви, и все люди ходили и сидели в нем попарно. Чуднее всех показался мне один старик, который угваривал тринадцатилетнюю девушку, чтобы согласилась она выйти за него замуж. В углу сидел какой-то молодец с бабушкою и разговаривал весьма скромно. Сего молодого человека хотела было я похвалить за то, что имеет он почтение к своим предкам и в удобность своей бабушки оставляет вертопрашные увеселения, но хозяйка уверила меня, что это любовник, с любовницею» [2, с.267].

Героиня оказалась в ином, вывернутом наизнанку мире. В нормальном нравственно сбалансированном социальном мире стариков и юношей объединяет забота («почтение»), в скрытом от посторонних глаз доме купчихи их связывает порок.

Авторы европейских романов тоже стремились к воссозданию бытовых черт своего времени. Даниэль Дефо в своем романе «Молль Флендерс» описал события, происходящие в Англии, в самой гуще буржуазной реальности со всеми ее противоречиями и социальными контрастами.

О бытовых реалиях, описанных А. Прево в «Манон Леско» в своем исследовании пишет Е.А. Гунст: «Повесть Прево отличается редкостной тщательностью в описании бытовых черт. Историки данной эпохи в один голос утверждают, что такие подробности как порядок отправки ссыльных в Америку, местоположение и нравы игорных домов, порядки, бытовавшие в харчевнях, в полиции, в тюрьмах – словом, что все мелкие подробности соответствуют действительности. Автор не позволяет себе ни малейшего отступления от того, чему он сам был свидетелем» [3].

Но это правда открытой и всем очевидной жизни, не всегда такой, какой ее хотел бы видеть читатель, но какой на самом деле он ее видел в своей повседневности. М.Д. Чулков же настаивает в своих описаниях на том, что скрыто от взгляда большинства современников, не очевидно для них. Это не обычная, а «другая жизнь», хотя и вполне достоверная.

Повествование в романе Чулкова ведется от имени главной героини – Мартоны, и это дало возможность автору отразить цепь непосредственных внутренних реакций своей героини на внешние события. С точки зрения интерпретаторов чулковского текста «Мартона проходит по жизни как путник в романе-путешествии, испытывая крушения, взлеты, падения. В сущности, ее повествование о своей жизни и есть рассказ о путешествии по морю житейскому. Обстоятельства ее существования менялись не раз – и очень резко» [4].

Образ «падшей» женщины, абсолютно новый для русской литературы перекочевал из литературы европейской и это уже давно замечено: «Чулковская Мартона – социально-психологический тип, родственной героине романа Даниеля Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс». И Дефо и Чулков показывают тип женщины, которая борется за существование любыми средствами, отбрасывая нравственные принципы. Это вовсе не значит, что Чулков и Дефо исповедуют аморализм. Просто их эстетика требует, чтобы все «закоулки» общества были показаны без прикрас, объективно, с беспощадной трезвостью и правдивостью. Принцип, характерный для реализма» [4].

Западноевропейский роман к XVIII веку выработал некоторую устойчивую структуру, на которую обратил внимание И.А. Гурвич: «Обычным для романа было такое его построение: герой выступает в роли рассказчика, и по воле автора устанавливается нравственное противостояние – рассказчик противопоставляет самому себе как персонажу, как действующему лицу» [5, с. 36].

Главной особенностью в создавшейся структуре романного жанра является внутренняя динамика героя, на которой акцентировал внимание еще М.М. Бахтин как на величайшем открытии романа воспитания. По точному замечанию М.М. Бахтина: «Герой – постоянная величина в формуле романа; все же прочие величины – социальное положение, пространственное окружение, фортуна, короче, все моменты жизни и судьбы героя – могут быть величинами переменными. Но при всех возможных различиях в построении в самом образе героя нет становления, нет движения» [6].

Однако появление структурно нового романа, по словам М.М. Бахтина, дает образ становящегося человека. «В противоположность статическому единству здесь дается динамическое единство образа героя. Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа» [6]. Впервые в истории развития жанра главный герой романа воспитания становится динамичным, меняющимся во времени.

И еще одна важная деталь, на которой останавливают внимание исследователи. В западноевропейском романе героев характеризует нравственная дистанция, которая отделяет их от своего аморального прошлого,

а также от всего мира, охваченного пороком. «Герои остро ощущают свою противоположность окружающей действительности, ищут материальных условий огородить себя от ее воздействия, освободиться от тяготящей необходимости внутренней борьбы с ней. И их «плутовское» прошлое вызывает симпатии в той мере, в какой оно несет в себе энергию противоборства в несовершенном мире, энергию самосохранения, приближающемуся в своем пределе к задачам нравственного самосохранения. И в тех и в других установках усматривается ощущение своей противоположности миру» [7, с. 137–138]. Назидательному началу отведено центральное место и в смысловой конструкции произведений европейских авторов XVIII века.

Однако М.Д. Чулков в «Пригожей поварихе» придерживается несколько иных принципов изображения. Его роман практически лишен морализирующего начала. Назидание противоречит избранной им манере повествования. Автор, в отличие от своих европейских предшественников, в «Предуведомлении» своего произведения не дает читателю никаких нравственных установок. *«Человек родится на свет обозрети честь, славу и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, критику, переговоры, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил»* [2, с. 227] – говорит он иронично, подчеркивая временность всех состояний на земле. Уже замечено, что для чулковской героини в отличие от ее европейских предшественниц совершенно не актуально нравственное дистанцирование от мира. Она не пытается ни изменить, ни вырваться из него, ни огородить себя от его пороков. Как отмечает Н.И. Николаев: «В романе М.Д. Чулкова нет ни одного персонажа, который нес бы в себе нравственный потенциал больший, чем это возможно и «нужно» в мире. Никто из героев не стремится в целях нравственного самосохранения уйти от мира, огородиться от его пороков» [7, с. 138].

Наконец, очень важное замечание по поводу главной героини – Мартоны: «Она не отвечает характеристике «исправившейся грешницы», осуждающей себя в своем плутовском прошлом». Ее этическое дистанцирование носит гораздо более мягкий характер, чем у европейских литературных предшественников» [7, с. 139].

В этой связи возникает вопрос: как же тогда строится нравственная эволюция героини, или она вовсе не эволюционирует в отличие от аналогичных европейских персонажей, или ее развитие в романе носит какой-то иной, отличный от европейской схемы характер?

Своеобразием чулковского произведения принято считать его «незавершенность». Дошедший до нас текст произведения заканчивается сценой встречи умирающего Ахалья от угрызений совести за притворное убийство Свидала, после этого повествование обрывается, а далее отмечено: «Конец первой части». Многие аналитики обращали свое внимание на то, что произведение не имеет продолжения, однако до сих пор остается спорным вопрос была ли написана вторая часть произведения и по каким причинам она отсутствует. Но все «представленные в литературоведении попытки осмысления «незавершенности» романа выглядят весьма поверхностными, слабо аргументированными» [8].

Многие исследователи, например, А.И. Юхт,[9] Е.А. Бондарева [10] и другие, утверждают, что возможно вторая часть произведения была написана автором, однако в печати не появилась. Мотивы этого объясняются тем, что из-за цензурных соображений М.Д. Чулков отказался от издания второй части романа.

Среди различных мнений о незавершенности романа, наиболее убедительным выглядит давнее остроумное предположение В.Б. Шкловского. Ученый утверждает, что на самом деле исследуемый нами текст представля-

ет законченный авторский замысел: «Конец есть. Есть перемена жизнеотношения героини. Она становится другой. И есть встреча героев, есть разъяснение интриги» [11].

Остается, правда, непонятным, о каком именно изменении «жизнеотношения» говорится здесь. Героиня как была содержанкой, так и осталась ею. Она не меняла социальную среду своего обитания. Так в чем же эти изменения?

Для В.П. Степанова роман «Пригожая повариха» все же остается незавершенным, как он отмечает в своей статье: «Во всяком случае, из текста можно понять, что Мартоны в романе должна была пережить и сообщить читателю еще множество своих похждений. Печатное издание помечено как «часть 1-я», и действие ее обрывается крайне неожиданно; читателю остается неясно, умирает Ахаль, или его приготовления к смерти и траурное убранство всего лишь хитрая уловка, чтобы заманить к себе в дом Мартоны и Свидала. Поэтика же плутовского романа не терпит таких недоговоренностей» [12, с. 22].

О.Б. Лебедева рассматривает «незавершенность» текста с нескольких точек зрения – сюжетной и эстетической (и, как подчеркивает автор, наиболее важной для писателей XVIII века – дидактической), все самое важное в первой части романа «Пригожая повариха» уже произошло: «очевидно, что Мартоны изменилась, причем изменилась в лучшую сторону, и женщина-писатель — это уже совершенно другой человек, с высоты своего жизненного опыта способный объективно понять и описать себя самое, несмотря на все заблуждения своей трудной и бурной молодости» [13].

О.Б. Лебедева тоже, вслед за В.Б. Шкловским, говорит об изменениях в образе героини. Однако изменения эти в интерпретации исследователей носят какой-то не качественный, а количественный характер: она просто, по их мнению, стала более опытной.

На внутренней завершенности романа настаивал в свое время еще А.В. Западов, он пишет: «Роман построен как цепь эпизодов, объединенных личностью героини; звенья в этой цепи можно сокращать или увеличивать, и, в сущности, второй части «Пригожей поварихи» для развития романа не требовалось: все было выяснено в первой» [14, с. 86].

Поэтика плутовского романа не терпела никаких недоговоренностей. Нравственная эволюция героя в знаменитых образцах европейского плутовского романа имеет свой смысловой итог. Целостность и завершенность в западной романистике, как отмечает Н.И. Николаев «обеспечена «этической дистанцией», с которой рассказчик ведет свое повествование. Чем бы ни завершился роман, события его в принципе развиваются в том временном отрезке, который ограничивается его нравственной метаморфозой» [8, с. 38]. Раскаившийся грешник не может далее ничего о себе рассказывать, он впал в себя, сделал своими «высшие нравственные убеждения», таким образом, эволюционный процесс является завершенным. В этом и заключается некий стержневой принцип, обеспечивающий смысловую завершенность и целостность романа.

Совсем по-другому обстоит дело в чулковской «Пригожей поварихе». Главная героиня – Мартоны как будто бы действительно изменяется во времени, эволюционирует. И хотя эти изменения невозможно «схватить» и точно сформулировать, но доказательством тому служат реплики, в которых косвенно фиксируются эти изменения в образе. Мартоны замечает: *«Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показало мне негодным»* [2, с. 237]. Любительница роскошной жизни и денег вдруг констатирует: *«Богатство сие меня не веселило; ибо я ужже видала оного довольно, но предприняла быть поосторожнее и вознамерилась запастись для нужного случая»* [2, с. 266].

Признаки эволюции героини фиксируются в словосочетаниях «была бессовестна и сребролюбива», или «богатство не веселило». Героиня в них сама указывает на то, что она стала не такой, как была раньше. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что изменения ее не носят принципиальный характер. Мартона вовсе не отказалась от порочной жизни, она лишь снизила степень своей зависимости от нее. На новом жизненном этапе она просто не столь «бессовестна и сребролюбива» как была раньше, и ее не в той мере «веселит богатство», как в юности. Кардинальных нравственных перемен, как у европейских персонажей, в героине Чулкова не произошло. Она не столько переосмыслила свою жизненную позицию и отказалась от порока, сколько пресытилась им.

Пословицы в речи Мартоны не только показывают национальный колорит романа, и придают образу героини характер «игривой соблазнительницы», но, как уже отмечено исследователями «их функциональное назначение в тексте раскрывается еще и в том, что они позволяют перевести факты единичной, частной биографии в разряд общего и закономерного. Пословицы выступают эквивалентом сентенций, которыми весьма обильно заполнен рассказ Мартоны о ее приключениях. Эти «обобщающие сентенции», как правило, вводятся выражениями: «мы», «наша сестра», «наш брат». Героиня характеризует свое поведение как образ жизни целой категории людей, как «общее» для многих. И этот обобщающий взгляд одновременно способствует «отстранению», возможности рассмотреть себя как бы со стороны, дистанцироваться от себя самой в прежней жизни» [8, с. 39-40].

Но в определенном момент повествования эта дистанция вдруг исчезает. Как следствие этого наблюдается и исчезновение пословиц. Это один из наиболее интересных выводов, который делает в своей статье Н.И. Николаев: «Героиня, достигнув предельно возможной для себя в этическом поле романа нравственной ступени (т.е. нравственной позиции рассказчицы), по-прежнему оказывается бесконечно отдаленной от высшего нравственного мироотношения. В пределах «случая» (ситуации) ее поступки находят оправдание, но в приближении к ценностям высшего порядка они раскрываются в своей ущербности» [8, с. 41].

Иными словами, русская героиня в ходе романного действия развивается, меняется, но эти изменения не носят столь кардинальный характер, как у ее европейских предшественниц, она не переживает нравственной метаморфозы и не меняет своего социального статуса. Все изменения ограничены каким-то установленным верхним пределом. И объяснить это незавершенностью романа невозможно. Героиня перестает меняться, она совпала с самой собой как рассказчицей уже в середине известного нам текста. Поэтому и исчезли с этого момента в тексте пословицы.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований данного направления. Сознательно или неосознанно, но М.Д. Чулков на наш взгляд, стал создателем совершенно новой романной формы, которой неожиданно открылось новое жизненное содержание.

О каком же новом жизненном содержании применительно к роману М.Д. Чулкова может идти речь?

В начале романа героиня предстала перед нами неожиданно выпавшей из своего привычного социального окружения и оказалась в условиях, при которых невозможно говорить об определенности ее социального статуса. Она оказалась за чертой нормальной социальной жизни, в мире, который организован по совершенно иным нравственным принципам нежели тот, к которому она привыкла и который привычен для читателя романа, при этом «нормальный мир» никуда не делся, он существует где-то рядом, параллельно. О нем знает героиня и время от времени соприкасается с ним.

Мир, разделенный на две составляющие, различные как с точки зрения социальной, своей природы, так и при-

роды нравственной, предстает в романе М.Д. Чулкова. Это «двоемирие» ощущается в его описаниях, на которые мы уже останавливали внимание: описание повседневной жизни «набожного секретаря», описание жизни в тюремных стенах, описание салонной жизни. Везде подчеркнута грань между обычной и аномальной жизнью, между тем, к чему мы как читатели привыкли, и тем, что выстроено на чуждых нам нравственных принципах, скрыто от нас в повседневной жизни.

Героиня Чулкова знает об этом «двоемирии», живет в условиях «двоемирия» и не может, да и не стремится вырваться из этих условий. Для нее не проницаема граница между этими мирами. И ее нравственное развитие может протекать лишь в пределах того маргинального мира, в котором она оказалась. Пространство «другого мира» для нее закрыто. И в этом главная причина ограниченных возможностей ее нравственного совершенствования.

Это «двоемирие» и есть, как нам представляется открытие Чулкова-романиста, отличающее его произведение и в контексте европейской и в контексте русской литературной традиции.

В чулковской версии рядом с нормальным социально обустроенным миром существует иной, аномальный, маргинальный мир. Открытие маргинального мира и маргинального героя, на наш взгляд, и является принципиальным новаторством М.Д. Чулкова, имеющим весьма важные последствия для развития русской литературы в целом [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мечникова Е. На заре русского романа. Голос минувшего. 1914. № 6. 12 с. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/mech-yuht/mechnikova.html>
2. Чулков М.Д. Пригожая повариха, или похождение развратной женщины. Роман. Сказки. Песни / М.Д. Чулков. М.: Эксмо, 2008. 512 с.
3. Гунст Е.А. Жизнь и творчество Аббата Прево URL: http://www.modernlib.ru/books/gunst_e/zhizn_i_tvorchestvo_abbata_prevo/read_1/
4. Шаталов С.Е. Проза эпохи классицизма. Освоение новых форм / С.Е. Шаталов, Е.Н. Лебедев // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука. 1982. С. 208–229. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/rizek-proza/prose.html>
5. Гурвич И.А. О развитии художественного мышления в русской литературе: конец XVIII – первая половина XIX века. Ташкент: Изд-во «ФАН», 1987. С. 36.
6. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahтин-roman-ego-znachenie/postanovka-problemy-romana-vospitaniya.htm>
7. Николаев Н.И. Своеобразие этической позиции автора и героя в «Пригожей поварихе» М.Д. Чулкова // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия гуманитарных и социальных наук. №1. Архангельск, 2012, с. 135–140.
8. Николаев Н.И. «Случайное» и «Сакральное» в «Пригожей поварихе...» М.Д. Чулкова [Текст] / Н.И. Николаев // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. тр. преподавателей и аспирантов / ПГУ. 2000. Вып. 4. С. 30–43.
9. Юхт А.И. Михаил Дмитриевич Чулков // Статья из сб. «Историки России», М.: РОССПЭН, 2001, с. 75–81. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/mech-yuht/yuht2001w.html>
10. Бондарева Е.А. Творческий путь и просветительская деятельность М.Д. Чулкова (писатель XVIII века) / Е.А. Бондарева // Ист. зап. 1984. № 111. С. 201–237. URL: http://mir.k156.ru/chulkov/bond/gl_2.html
11. Шкловский В.Б. Чулков и Лёвшин. Л., 1933, 264 с. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/shklovsky/sh00.htm>
12. Степанов В.П. Об авторе «Пересмешника» // Пригожая повариха, похождение развратной женщины / М.Д. Чулков. – М.: Эксмо, 2008. – 512 с. – (Русская

классика).

13. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. М.: Высш. Шк.; Изд. Центр «Академия», 2000. 205 с.

14. Западов А.В. Чулков М.Д. // Русская проза XVIII века. Т. 1 М.; 1950. 630 с.

15. Николаев Н.И., Храмцова М.В. Маргинальный мир и герой в русской литературе XVIII века // Дискуссия. 2014. №2(43). С. 136–141.

Статья поступила в редакцию 09.01.2018

Статья принята к публикации 27.03.2018